

Мемуаристъ

12+

Шутки Сталина
в переводе Мемуариста

За Сталина!

Never Give In

МемуаристЪ

**Шутки Сталина в
переводе Мемуариста**

«Автор»

2022

МемуаристЪ

Шутки Сталина в переводе Мемуариста / МемуаристЪ —
«Автор», 2022

"Тогда наша победа обеспечена, - сказал Сталин. - Ведь дьявол, разумеется, тоже на нашей стороне. Каждый знает, что дьявол - коммунист. А Бог - добропорядочный консерватор". Юмор - всегда признак выдающегося ума. Товарищ Сталин в народной памяти прочно остался мрачным остряком. Шутки не только для смеха, за каждой сталинской остротой кроется глубокая мысль. Разрядить порох и нервы в воздухе на военном совещании, намекнуть на правильное направление конструктору, ловко поставить в неудобное положение западных "союзничков". Больно читать антисоветские книжки о вожде. А ведь при поддержке наших западных "партнёров" издаются их миллионными тиражами. Любая попытка потыкать палкой фактов в антисоветские байки сразу же проваливается в пустоту. В этой книге я начал с полного собрания сочинений вождя, его известных речей и статей. А закончил мемуаристикой, заслуживающими доверия воспоминаниями людей, со Сталиным действительно работавшими. Исторический портрет вождя получился крайне любопытным.

© МемуаристЪ, 2022

© Автор, 2022

Содержание

Предисловие Мемуариста	5
Как у Вас с севом, граждане бюрократы?	7
Наши заклятые союзнички	13
Тегеранский ППШ Микояна	22
Какой палец называют средним, господин Черчилль?	28
Добавьте Кенигсберг и мы в расчёте	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

МемуаристЪ

Шутки Сталина в переводе Мемуариста

Предисловие Мемуариста

"За Родину! За Сталина! – Ты с совсем с ума сошел!? – Ну, за бабушку с дедушкой он есть уже отказывается!"

"Тогда наша победа обеспечена, – сказал Сталин. – Ведь дьявол, разумеется, тоже на нашей стороне. Каждый знает, что дьявол – коммунист. А Бог, несомненно, добропорядочный консерватор."

Юмор – всегда признак выдающегося ума. Товарищ Сталин в народной памяти прочно остался мрачным остряком. Шутки не только для смеха, как раз наоборот – за каждой Сталинской остротой кроется глубокая мысль. Разрядить порох и нервы в воздухе на военном совещании, намекнуть правильное направление конструктору или чиновнику, ловко поставить в неудобное положение западных "союзничков".

Эта книга – результат большой работы на протяжении пяти лет. Больно читать откровенно антисоветские и тотально лживые книжки о вожде. А ведь при поддержке наших западных "партнёров" издают их миллионными тиражами. Что характерно, любая попытка потыкать палкой фактов в антисоветские байки сразу же проваливается в пустоту. Враньё, банальное враньё.

Понятно, у исторического анекдота редко бывает прочная основа. Но отличить откровенные выдумки от настоящей истории всё-таки можно. В этой книге я начал с полного собрания сочинений вождя, его известных речей и статей. А закончил мемуаристикой, заслуживающими доверия воспоминаниями людей, со Сталиным действительно работавшими. Исторический портрет вождя получился крайне любопытным.

Ещё поразительнее, высказанные в узком кругу шутки подчас оказываются гораздо более страшным оружием, например, международных переговоров, чем любые дипломатические расклады. Товарищ Сталин был признанным мастером именно такого стиля работы с людьми. Особенно, с нашими капиталистическими "союзниками". Когда от шутки до объявления войны грань была тоньше бритвенного лезвия. Сталин блестяще проходил по этой грани, заставляя даже наших врагов помогать и работать на нас.

Соотношение сил, подвиги или решения планетарного масштаба сплошь и рядом зависели вот от таких "шуток" и поступков вождя. Судьба польского городка часто висела на волоске. Станет ли он частью Германии, Польши или СССР решалось ровно одним. Сможет товарищ Сталин переиграть в бритвенно-острые шахматы Черчилля с Рузвельтом, или не сможет. Вот Вам и вся история. А скучные буквы приказов непременно воспоследуют.

Положа руку на сердце, утверждать, что всё было дословно именно так нельзя. Любые воспоминания с ходом лет, пересказами приукрашаются, иные детали стираются. Например, история как Сталин поблагодарил одного деятеля, хвастающегося новой дачей "за прекрасный детский дом" рассказывается в двух десятках вариантов. Хозяином дачи объявляют то полярика Папанина, то чуть ли не Хрущёва. Установить доподлинно с чего всё началось почти невозможно. Тем не менее, в таких историях правды иногда гораздо больше, чем в тех самых доподлинных приказах и документах.

Только через призму других людей, через ежедневные поступки и воспоминания можно прочувствовать в полной мере дух времени, понять главные черты личности героев эпохи. Шутки вождя бывали мрачными, порой даже жестокими, но две черты крайне ярко видны всегда. Это острейший, блестящий ум Сталина. И справедливость итогового решения. Именно

такие "шутки" позволили нашей Родине стать одной из самых могучих и уважаемых стран мира.

Оговорюсь, юмор всегда кому-то обиден. Эта книга написана с большим уважением к свершениям и могучему историческому вкладу товарища Сталина. Никого не стремился обидеть, всего лишь создать выпуклый подлинный портрет личности руководителя первого в мире государства рабочих и крестьян. Приятного чтения!

Как у Вас с севом, граждане бюрократы?

Товарищ Сталин всегда предельно жёстко ставил государственные задачи и пустой демагогии не терпел. Свое отношение к бюрократам и канцеляристам он высказывал много раз. Иногда откровенно высмеивал чиновников.

Начнем, как и обещал, с полного собрания сочинений. В 1934 году товарищ Сталин делал большой доклад Съезду. Речь шла о подробном анализе Великой Депрессии в мире западном и о выдающихся достижениях промышленности Советской. Любопытно, что изрядный блок Сталин посвятил нашим организаторам, начальникам большим и поменьше. Досталось болтунам и бюрократам по первое число.

Есть два типа чиновников, – говорил вождь. Первый тип бюрократа – заслуженный человек, который многого добился в прошлом. Он превращается в местного царька, считает себя выше законов. Законы, по их мнению, для дураков, – говорит Сталин. Они считают себя неприкасаемыми. Ничего не напоминает из дней нынешних?

Что делать с ними? – спрашивает Сталин. Правильно. Выгонять со службы и сразу статью в прессу. Про все головотяпства сего деятеля.

Второй тип бюрократа – болтун (90 лет прошло, а не перевелись до сих пор). Болтун, способный утопить в пустых словах любую задачу. И дальше Сталин зачитывает Съезду свою беседу с таким "ответственным работником":

– Как у вас обстоит дело с севом?

– С севом, товарищ Сталин? Мы мобилизовались.

– Ну, и что же?

– Мы поставили вопрос ребром.

– Ну, а дальше как?

– У нас есть перелом, товарищ Сталин, скоро будет перелом.

– А все-таки?

– У нас намечаются сдвиги.

– Ну, а все-таки, как у вас с севом?

– С севом у нас пока ничего не выходит, товарищ Сталин (общий хохот делегатов).

На том же Съезде рабочий с Украины на вопрос есть ли в их работе линия рассказал Сталину о своём заводе так: "Что же, линия... линия, конечно, есть, только работы не видно".

В заключение Сталин сказал, что когда таких болтунов выгоняешь с работы они искренне удивляются. Как же так, за что? Мы же и конференцию провели и лозунги с трибуны кричали и приветственное письмо в Кремль отправили. Чего ж еще надобно-то?!

Девяносто лет почти прошло, а как о нынешних сказано. Сейчас уж и говорить такое не принято.

А вот совсем другой образец юмора. В ситуации совсем не смешной – в тяжелейший год Великой Отечественной. Только отгремел Сталинград и Курская дуга, до Победы ещё не близко. В праздничной речи к дню Великой Октябрьской Социалистической Революции в 1943 году Сталин здорово прошёлся по фашистам и их прихвостням.

Нашёл крайне едкие сравнения, чтобы поддержать боевой дух наших соотечественников. Обратите внимание на риторический приём, Сталин повторяет одни и те же простые слова и с каждым разом их сила нарастает:

– Вступая в войну, участники гитлеровского блока рассчитывали на быструю победу. Они уже заранее распределили, кому что достанется: кому пироги и пышки, кому синяки и шишки. (Смех, аплодисменты.)

Понятно, синяки и шишки они предназначали своим противникам, себе же пироги и пышки. Но теперь ясно, что Германии и ее холоум не достанутся пироги и пышки, что им придется теперь делить между собою синяки и шишки. (Смех, аплодисменты.)

Предвидя эту незавидную перспективу, сообщники Гитлера ломают сейчас голову над тем, как бы выйти из войны, получив при этом поменьше синяков и шишек! (неумолкающие аплодисменты).

Не менее едкая речь о депутатах-приспособленцах на предвыборном собрании избирателей 11 декабря 1937 года. Вождь проходится по депутатам, которые не хотят ничего решать. Устроились на тёплом местечке, знай – поднимай партбилеты за всё хорошее. Так не пойдёт!

Повторять всю речь не станем. Но отдельные моменты замечательны. Кстати, эта речь сохранилась в звуковой записи. Интонации вождя совершенно непередаваемы! Сталин даёт избирателям советы как вести себя со своими депутатами. Только вдумайтесь, Советский закон позволял отозвать заигравшегося депутата!

"Депутат должен знать, что он слуга народа, его посланец в Верховный Совет, И он должен вести себя по линии, по которой ему дан наказ народом. Свернул с дороги, – избиратели имеют право потребовать назначения новых выборов и депутата, свернувшего с дороги, они имеют право прокатить на вороных.

Это замечательный закон. Мой совет – помнить об этом праве избирателей – о праве досрочного отзыва депутатов, следить за своими депутатами, контролировать их и, ежели вздумают свернуть с правильной дороги, смахнуть их с плеч, потребовать назначения новых выборов!"

А вот про тех самых приспособленцев, про "политических обывателей", которые вместо дела греют тёплые местечки:

"Есть люди, о которых не скажешь, кто он такой, то ли он хорош, то ли он плох, то ли мужественен, то ли трусоват, то ли он за народ до конца, то ли он за врагов народа. Есть такие люди, и есть такие деятели. Они имеются и у нас, среди большевиков. Сами знаете, товарищи, семья не без уroda.

О таких людях неопределенного типа, о людях, которые напоминают скорее политических обывателей, чем политических деятелей. О таких неопределенных людях и деятелях довольно метко говорится у нас в народе: "так себе человек – ни рыба, ни мясо", "ни богу свечка, ни чёрту кочерга".

Обязанность и право избирателей состоит в том, чтобы они все время держали под контролем своих депутатов и чтобы они внушали им ни в коем случае не спускаться до уровня политических обывателей, чтобы они, избиратели, внушали своим депутатам быть такими, каким был великий Ленин."

Надо сказать, что эта "ни свечка, ни кочерга" пошла после выступления вождя в народ. К отдельным бюрократам прямо так прилепилось меткое Сталинское определение.

Знаменитый отец фронтовых Яков, конструктор боевых самолетов Яковлев в 1942 году был на докладе у товарища Сталина. Вождь зачитывал собравшимся некоторые письма директоров оборонных заводов, посвященные вопросам совещания.

В некоторых из писем "подвалом" шли восхваления партии и вождя. Доходя до них, Сталин издевался над хитрыми льстецами:

– Ну а заканчивает товарищ директор письмо, как и полагается, воплями "ура". "Ура" нашей большевистской партии, "ура" товарищу Ленину, "ура-ура-ура" великому вождю и учителю товарищу Сталину. В три раза больше "ура", чем товарищу Ленину!

Сталин лукаво посмотрел на собравшихся и сообщил:

– Эти товарищи, наверное, думают, что от их "ура" завод выпустит больше самолетов. Или процент брака снизится. Или их недочеты затеряются в этих радостных восклицаниях?

Сталин сделал паузу и веско сообщил собравшимся:

– Таким товарищам, я бы хотел сказать, партия не нуждается в голословных похвалах. Партия нуждается в истребителях, штурмовиках и бомбардировщиках. Больше взлетов новых машин – вот самое лучшее "ура"! Помните, товарищи, лезть для большевика – порченная монета!

В 1950 году товарищ Сталин давал интервью американскому журналисту газеты "Нью-Йорк Таймс". Вопросы американца были довольно острыми и касались практики активной ротации управляющих кадров в Советском Союзе.

Почему директор завода из Алма-Аты может завтра оказаться директором такого же завода где-нибудь на другом конце страны в Хабаровске? Почему партия направляет крупных специалистов поднимать то одну, то другую часть народного хозяйства? Иногда даже с понижением зарплаты. Почему эти специалисты вместо отказа едут и добросовестно трудятся на благо страны?

Развеселившийся Сталин на это ответил народным анекдотом.

– Приходит, якобы, ко мне председатель Верховного Совета товарищ Калинин и жалуется. Был он у двух наркомов, а поручения они не исполняют, ленятся. У одного чернильница в шкаф задвинута, у второго вообще на подоконнике пылится. Калинин спрашивает – как так, почему не на столах? А те в ответ – "это наши чернильницы, куда хотим, туда ставим!"

– И что же дальше, мистер Сталин? – заинтересовался журналист.

– Товарищ Сталин обозвал их баранами.

А Калинин не унимается – как же таких негодных работников наркомками назначили? Товарищ Сталин ему отвечает:

– Это наши, партийные бараны, товарищ Калинин, куда хотим, туда и ставим!

Так товарищ Сталин дал понять заокеанскому корреспонденту, что большевики с кадровой политикой сами разберутся, без американских советов.

Когда в 1941 году Советские войска были вынуждены уступить Киев фашистам Хрущева вызвали в Москву. Отвечавший за оборону и эвакуацию первый секретарь компартии Украины выглядел жалко.

Тем не менее, на Политбюро Хрущев пытался оправдываться, докладывал о предпринятых мерах. Сталин слушал молча и мрачно.

Наконец, вождь прихлопнул по столу ладонью и сказал:

– Достаточно, товарищ Хрущев. Все ясно. Пора твою служебную эмку с бензина на дерево переводить.

– Как-так, товарищ Сталин, – опешил Хрущев. – При чем тут моя машина?

– При том, что уж больно много дров ты наломал. Надолго хватит!

В 1951 году на Политбюро заслушивались доклады представителей компартий ряда союзных республик. Доклад одной из республик был разнесен в пух и прах. Было указано на существенные недоработки в строительстве новых фабрик и особенно, в сельском хозяйстве.

В следующем докладе очередной партийный делегат решил "присоединиться" к позиции партийного руководства. Он с показным гневом обрушился на предыдущего докладчика, снова перечислил указанные тому недостатки. Подчеркнул, что вот их-то республиканские коммунисты ничего подобного не допустят!

В довершение оборотистый партийный деятель обратился "за мудрым советом" к самому товарищу Сталину:

– Товарищ Сталин показал нам дорогу к строительству коммунизма, мы идем верным путем! Но все же, товарищ Сталин, уважьте просьбу наших товарищей-коммунистов. Дайте настоящий пролетарский совет – как нам стать еще более достойными большевиками?

Сталин отложил бумаги, в которых делал какие-то пометки, и с хитрецей посмотрел на беззастенчивого подхалима:

– Обычно, товарищ Сталин не дает советов. Но раз уж товарищи так просят. Придется уважить просьбу. Вы, товарищ, почаще читайте надписи-трафареты! И станете не только достойным большевиком, но, может быть, и достойным человеком.

– Простите, товарищ Сталин, не понимаю, трафареты? Как бы поподробнее?

– Ну как же. Вот к примеру: "Не прислоняться". К чужой критике. "Не высовывайся". Когда не просят. И самое главное – "Не влезай, убьет!"

Ошарашенный такой отповедью делегат застыл столбом на трибуне. Товарищ Сталин "помог" ему придти в себя:

– Ну что же Вы, товарищ? Освободите место следующему докладчику. "Не стой под стрелой"! – добавил вождь под хохот присутствующих.

В 1946 году в Кремль был вызван первый секретарь ЦК Украины Никита Хрущев. Поводом вызова к партийному руководству была напряженная ситуация по восстановлению разрушенного немцами хозяйства Украинской ССР.

Ждать Хрущеву в приемной пришлось более двух часов, продолжалось важное совещание по новым гидроэлектростанциям. Наконец, в приемной появилась группа руководителей во главе с товарищем Сталиным.

Сталин хмуро обратился к главе украинских коммунистов:

– Чего здесь высиживаете, товарищ Хрущев?

– Жду, когда меня будут заслушивать, товарищ Сталин.

– Еще чего! Нашлась певчая птичка на нашу голову. Партия Вас не заслушивать, партия ругать Вас будет!

Начало тридцатых годов, идет отчетно-выборная конференция. Товарищ Сталин с трибуны делает подробный доклад о Великой депрессии в северо-американских соединенных штатах.

Для контраста приводятся цифры бурного роста Советской экономики. В зале после каждой Советской цифры в сравнении с "цветущим" довоенным 1913 годом раздаются бурные овации.

Поднимается рабочий делегат, мнет кепку в руках и говорит:

– Товарищ Сталин, тут мне наши заводские товарищи поручили задать вопрос. Правда ли, что мы за первую пятилетку запустили не только ДнепроГЭС, но и совсем запустили сельское хозяйство? Прошлым годом у нас в районе рожь перестояла и стала негодной, потому как трактора с МТС вовремя не подали. Говорят, среди чиновников есть настоящие вредители. Что партия намерена с этим делать?

Сталин ответил просто и с юмором:

– Сельским хозяйством, товарищ, заниматься нужно непременно и очень ответственно. А что насчет вредителей... передайте товарищам рабочим, чтобы не беспокоились. Большевики сажают не только рожь.

В 1940 году на заседании ЦК партии Хрущев выступил с докладом о вредительстве на западной Украине. Первый секретарь компартии Украины горячился и требовал применения к вредителям карательных мер. Притащил с собой даже какие-то чуть ли не расстрельные списки.

Товарищ Сталин послушал это все и охладил пыл разбушевавшегося Хрущева:

– Вы, товарищ Хрущев, хорошо выступаете. Но, по-моему, место перепутали. Тут Вам ЦК, а не ЧК!

После чего Сталин слегка улыбнулся и смягчил свой выговор:

– ЦК, ведь, не просто так назвали. Наша задача на вредителей и нарушителей "цыкать", выводить их на верный ленинский путь. А "чикать" – это задача ЧК, они и без нас разберутся.

Сталин при всей жесткости партийной позиции по отношению к производственникам, дающим плохие результаты, всегда выступал за человеческое отношение к честно работающим людям. Грубость и хамство без повода он считал недопустимым, всегда стремился настраивать людей на конструктивное сотрудничество, а не на раздачу невыполнимых заданий и объявление всех виноватыми.

У в крайне толкового в целом министра промышленности Засядько была яркая особенность. Выдавая подчиненным за недостаточное выполнение плана или ставя большие неподъемные задачи, он не стеснялся в выражениях. Даже по правительственной связи он мог так отчитать директора завода, что тот долго потом приходил в себя.

Вместо того, чтобы сделать внушение министру или как-то иначе наказать его, Сталин пригласил Засядько на заседание комиссии по промышленности. На столе перед товарищем Сталиным стоял магнитофон с большими бобинами пленки.

Когда все расселись, Сталин нажал клавишу и в зале заседаний раздалась отборная ругань министра. Засядько покраснел, поднялся и попросил прекратить прослушивание. Сталин отрицательно покачал головой:

– Нет-нет, товарищ министр, послушаем еще, там дальше интереснее будет.

Заслушивали всей комиссией "доклад" министра почти полчаса. Засядько не знал куда деваться от стыда. Наконец вождь сжалился и выключил магнитофон:

– Какие будут еще вопросы по докладу товарища министра?

Вопросов у членов комиссии не возникло. Сталин объявил совещание окончанным и сказал:

– Можете быть свободны, товарищ Засядько. Интересная у Вас фамилия, товарищ Засядь-ко. За-сядь-ко, за-сядь-ка, сядь-ка! А впрочем, глупости какие-то болтаю. Идите, работайте!

После "прозрачного" намека министр себе такое обращение с подчиненными больше не позволял.

На очередном партийном съезде заслушивали доклад наркома путей сообщения. Он уточнил:

– Как мне следует выступить: кратко или развернуто?

– На Ваше усмотрение, – ответил Сталин, – можете кратко, можете развернуто. Но регламент – три минуты.

Как-то товарищ Сталин никак не мог соединиться ни с кем из руководства Союза писателей. Ни Фадеева, ни Суркова не было на месте. Везде Сталин по телефону наткнулся на их секретарей.

Выступая на Политбюро, вождь привел эту историю как пример плохой работы любого чиновника вообще. И спросил у присутствующих?

– Как Вы думаете, от чего пала великая римская империя? – и сам же пояснил:

– От того, что власть в ней захватили секретари!

Артист Ильинский вспоминал как оказался на приеме в Кремле, посвященном выходу Советской комедии "Волга-Волга". Он как раз очень удачно сыграл роль злого бюрократа Бывалова. После официальной части Сталин подошел к столикам, где сидели киноактеры.

Увидев Ильинского, Сталин нахмурился, указал на него и с притворным возмущением обратился к режиссеру фильма:

– А этого зачем сюда пустили? Кто это такой? Кто разрешил?

Испуганный режиссер залепетал, что это известный актер Игорь Ильинский и т.п. Сталин еще более грубо перебил его:

– Известный? Кому? Я такого не знаю, это же какой-то буржуазный элемент, бюрократ!

Тут Сталин расхохотался и стало понятно, что он прекрасно знает кто перед ним. Он поблагодарил артиста за хорошее исполнение роли бюрократа Бывалова и сказал:

– У нас, к сожалению, еще не до конца это изжито. Встречаются такие кадры в нашей жизни. Вы очень хорошо показали насколько отвратительна бывает бюрократия! Говорю Вам это, товарищ Бывалов, как бюрократ бюрократу.

С тех пор, встречая на мероприятиях, Сталин в шутку всегда называл Ильинского – "а вот и наш известный коллега, товарищ Бывалов!"

Наши заклятые союзнички

Отношения с Британией и США всегда были у Союза напряжёнными. Штаты долго не признавали Советский Союз. С Англией в конце двадцатых вообще чуть не случилось большой войны. Да и с чисто идеологических позиций первое в мире государство рабочих и крестьян оказалось страшной угрозой денежным мешкам и гиенам капитала на Западе. И всё же Сталину удавалось так ловко играть на противоречиях наших врагов, что те были вынуждены помогать нам. С зубовным скрипом, но помогать.

В одном разговоре со Сталиным Черчилль неожиданно сослался на высшую силу. Обсуждать божественную помощь, когда шла жесточайшая торговля с союзниками за вполне конкретные наступательные операции, вождь не собирался. Черчилль не унимался и продолжал:

– Я полагаю, что Бог на нашей стороне. Во всяком случае, я сделал всё для того, чтобы он стал нашим верным союзником.

Сталин усмехнулся и сразил надменного лорда не в бровь:

– Ну, тогда наша победа обеспечена, – сказал Сталин. – Ведь дьявол, разумеется, тоже на нашей стороне. Каждый знает, что дьявол – коммунист. А Бог, несомненно, добропорядочный консерватор.

В конце апреля 1945 года, когда до Победы над гитлеровской Германией оставались считанные дни наши союзники развили бурную деятельность. Главной задачей Британии и США было заключить сепаратный мир с Германией раньше, чем Советский Союз возьмет Берлин.

В этом случае наши союзники намеревались использовать неразоруженные немецкие части для борьбы со слишком, по их мнению, усилившимся Советским Союзом. Тайная операция союзников по достижению договоренности с немцами получила кодовое название "Санрайз-Кроссворд".

Усилия наших заокеанских "друзей" увенчались успехом. Двадцать девятого апреля представители СС тайно подписали частичную капитуляцию. Узнав об этом, Сталин лично приехал в американское посольство к послу Гарриману.

Не раскрывая, что ему известно о предательстве союзников, Сталин повел разговор о посторонних вещах. Гарриман не мог понять, что кроется за необычным визитом Советского лидера. Чтобы развлечь высокопоставленного гостя, посол стал показывать Сталину свою коллекцию курительных трубок. Трубки были непростые, каждая из них когда-то принадлежала кому-то из знаменитых американских политиков.

Продемонстрировав наиболее ценные экспонаты Гарриман спросил какую трубку выбрал бы сам Сталин. Вождь повертел в руке одну из коллекционных трубок и сказал:

– Я бы, по примеру Ваших индейцев, выбрал трубку мира. Только раскуривать ее нужно всеми. Иначе может случиться индейский набег и полетят головы ковбоев. Как на Вашем Диком Западе, – с невинным выражением лица добавил Сталин.

Таким деликатным образом союзники были поставлены в известность, что Москве все известно. Результаты сепаратного мира были отправлены в корзину и восьмого мая была подписана настоящая капитуляция Германии уже с участием всех победителей: Советского Союза, Британии и США.

В конце лета 1943 года, за несколько месяцев до знаменитой Тегеранской конференции, Сталин принимал с неофициальными визитами в Сочи делегации союзников. Прежде чем обсуждать серьезные вопросы мировой политики, готовить почву для больших переговоров СССР, Британии и США, вождь пригласил послов к себе на дачу.

Задачей товарища Сталина было несколько вывести чопорных иностранных дипломатов из себя. Нужно было, чтобы они почувствовали себя слегка не в своей тарелке. Тогда будет проще договариваться, говорить, что называется "на одном языке".

Весь вечер пока готовились шашлыки, накрывался нехитрый стол для пикника, за спиной Сталина на легком плетеном стуле сидел не улыбочивый человек в пенсне. Представлен приехавшим он не был.

Британский посол барон Кларк Керр был с этим человеком знаком и даже пару раз в неофициальной обстановке поднимал с ним бокалы грузинского вина. Это был легендарный сталинский нарком НКВД Лаврентий Берия. А вот американец, спецпредставитель Президента – Гарри Гопкинс в лицо "главного палача Советов" не знал.

Берия за весь вечер, против своего балагурского обыкновения, не произнес ни слова. Он неотрывно мрачно наблюдал за американцем. Тот какое-то время держался, делал вид, что ничего такого не замечает. Наконец Гопкинс не выдержал и поинтересовался у Сталина – что это за человек и почему он так на него смотрит.

Сталин улыбнулся и любезно сообщил:

– Это, господа, товарищ Берия. Уверен, Вы он нем слышали. Ваши журналисты болтают, что три года назад он, якобы, убил Троцкого. В далекой от Союза Мексике. Впрочем, журналисты всегда болтают вздор. Или почти всегда.

Гопкинс вежливо посмеялся над шуткой вождя, но остаток вечера старался держаться от Берии подальше.

Пока готовился на костре шашлык, Сталин повел гостей показывать дачу. В редкие минуты отдыха он любил сам покопаться в саду, заняться розовыми кустами. Сам Сталин говорил, что это помогает ему отвлечься от текучки, спокойно подумать о важных вещах.

Британский посол барон Керр поинтересовался чем же вождь удобряет такие замечательные розовые кусты. Верховный хитро улыбнулся и объяснил:

– У Вас, господа, часто изображают большевиков какими-то людоедами. Потому ответить придется в духе Ваших газет. Вот этот куст сорта "Советское крестьянство". Он так дружно распустился, потому что под ним мы закопали всех кулаков, спекулянтов и угнетателей деревни.

Сталин перешел к следующему, еще более пышному кусту и продолжил:

– Вот этот сорт называется "Советская промышленность". Его кормят косточки денежных мешков, банкиров и акул капитала.

Вождь подвел делегатов к третьему – довольно хилому кусту с мелкими цветочками:

– А вот этот сорт мы хотели назвать "Антигитлеровский союз". Но сами видите, что-то он никак не распустится. Не уверен, что вообще примется. Вот товарищ Берия мне подсказывает, что и под ним не худо бы закопать пару-тройку политиканов, не желающих вместе дружно бороться против фашистов!

И над этой шуткой "азиатского диктатора" Сталина слегка побледневшие дипломаты вежливо посмеялись. Впрочем, по возвращении домой своим руководителям оба доложили, что намерения у товарища Сталина совсем нешуточные.

Что Верховный готов бить фашистов хотя бы и в одиночку и тем, кто откажется помогать ему в справедливой борьбе с гитлеровцами, – не поздоровится. Через три месяца конференция союзников в Тегеране прошла как надо.

В 1942 году Сталин жёстко настаивал на открытии союзниками второго фронта в Европе. Рузвельт и Черчилль как могли юлили. Это сегодня опросы американских подростков показывают, "победили" США, а СССР "присоединился после". В 1942 ситуация была иной.

Почти не приходится сомневаться, Британия тогда надеялась на победу фашистской Германии. Вовсю тянула время, надеясь после разгрома Союза заключить почётный мир с Гитлером. Не верите?

Пожалуйста, телеграмма нашего посла в Британии Ивана Майского от октября 1942. Да, да, того самого "почему нэ дэрется товарищ Майский".

Посол пишет Сталину – Черчилль настроен на военное поражение Союза. Наводятся неофициально мосты к будущему миру с Германией. Готовятся тайные переговоры с Риббентропом и параллельно с его противником – министром Веймара Генрихом Брюнингом.

В последние месяцы Британия стала придерживать и сильно сокращать поставки ленд-лизских товаров в СССР. Второго фронта тоже не видно даже на горизонте!

Никаких иллюзий. В том же 1942 году Черчилль прилетел с визитом в Москву. Сталин играет с британским лисом. Чтобы поставить чопорного лорда на место, вождь вспомнил визит в СССР виконтессы Астор в 1931 году.

Леди Астор – видная парламентская деятельница и последовательная противница Черчилля. Экзальтированная и эпатажная дама.

Это с ней произошла известная перепалка Черчилля в Парламенте:

– Будь Вы моим супругом, я бы подсыпала мышьяк Вам в чай!

– Будь Вы моей супругой, я б выпил яд до дна!

Она же при встрече со Сталиным на его вежливое приветствие невпопад ответила – Вы еще не перестали убивать граждан? Своеобразная дама.

Когда Черчилль стал петлять про Второй фронт, Сталин вспомнил тот визит Астор. Мол, тогда виконтесса говорила, лорд Черчилль законченный алкоголик и лишен политической перспективы.

Сталин со значением добавил:

– Я тогда поправил ее, что случись большая война и лорд Черчилль станет великолепным премьером. Несомненно.

И тут же напомнил, что британец всегда был врагом коммунизма. Черчиллю не оставалось ничего иного как просить у Сталина прощения за свою позицию! Переговоры пошли гораздо успешнее для СССР. Высший пилотаж дипломатии.

Когда перед Великой Отечественной немцы разгромили Польшу, правительство страны бежало в Лондон. Все годы войны они пытались подтвердить свои права и захватить власть в Польше после победы. Понятно, что подконтрольная британцам власть прямо на границе Советского Союза Сталину была не нужна. После освобождения Варшавы Советскими войсками власть перейдет к национальному социалистическому правительству. В этом была и моральная сторона: те, кто боролся с врагом, партизанил, не бросил свою Родину, те и есть настоящие хозяева своей страны.

В 1942 году Сталин принимал в Кремле премьера польского правительства в лондонской эмиграции Владислава Сикорского. Советское руководство прямо предложило полякам: хотите вместе бить гитлеровцев? – Пожалуйста! Давайте сформируем из поляков армейские части и отправим в бой рука об руку с Советскими бойцами. С вооружением и снабжением Советский Союз поможет.

Отчего-то гордые "британские" поляки идти на смертный бой, кипевший на восточном фронте, отказались. Эмигрантское правительство выразило готовность вооружиться за Советский счет и воевать против немцев... на территории современной Сирии. Там и теплее и немцы не так лютуют. Опять же, воевать там предполагалось под командованием англичан, а не русских.

Сталин поулыбался польским инициативам и ответил словами знаменитого британского офицера Лоуренса Аравийского.

Дело в том, что в годы Первой мировой майор Лоуренс воевал на Ближнем востоке против османской империи. Союзниками британцев были местные "карманные" племена арабов, крупнейшее из которых возглавлял принц Фейсал.

Лоуренс был направлен военным советником к Фейсалу и подталкивал его всеми силами уже напасть на османов и двигаться к конечной цели войны на востоке – Дамаску. Арабы под разными предложениями отказывались (как и поляки через тридцать лет).

Показывая свой военный лагерь британцу, принц поинтересовался как тот находит их расположение. Лоуренс иронически ответил, что:

– Ваш лагерь неплох, господин принц, но он слишком далек от Дамаска...

Принца это публично уязвило и он был вынужден выступить со своими войсками на турок. История эта была широко известна, так как мемуары Лоуренса "Восстание в пустыне" пользовались большой популярностью.

И вот Сталин на все польские предложения ехать воевать на Ближний восток вместо реальных боев с фашистами сказал так:

– Британские базы в Сирии весьма неплохи, но они слишком далеки от Варшавы!

Польское правительство было вынуждено согласиться на отправку польских частей на Восточный фронт. Впрочем, после нескольких боев части показали себя не слишком здорово и вносили больше неразберихи, чем реальной помощи нашим войскам. Уже к сентябрю Сталин отправил "героические" польские части, как они и просили, на Ближний восток. Чтобы после Победы не мешали устанавливать в Польше настоящую, народную власть.

В конце марта 1945 уже всем было ясно, что гитлеровская Германия долго не протянет. Наши британские и американские "союзники" задумались как Европе жить дальше, после неминуемой победы Советского Союза.

Эти их раздумья приведут после к сепаратному миру с Германией без участия Советского Союза (которую Сталин все-таки отменил и заставил капитулировать еще раз, уже перед объединенным командованием).

Именно из-за них неразуженные фашистские части стояли в американском секторе оккупации вплоть до сентября. Мало ли, вдруг придется воевать против Союза, немцы бы тут очень пригодились. Именно они закончатся холодной войной и железным занавесом.

Но в марте мы еще были союзниками. Правда, и мы, и наши "заокеанские друзья" изо всех сил рвались к Берлину. Кто первым возьмет столицу врага, тот и будет потом делить Европу по своему разумению. Как законный победитель.

Тайные переговоры западных стран с немцами привели к тому, что на западных фронтах германцы сдавались союзникам в плен целыми дивизиями без боя, а на восточном изо всех сил держались против наших войск.

На очередной встрече с Черчиллем товарищ Сталин намекнул союзникам на недостойное военное поведение, рассказав такой анекдот:

– Германского фельдфебеля, господин премьер-министр, спросили как следует приветствовать офицера. Тот ответил, что зависит от того, кто – офицер. Если это немец – то следует поднять одну руку и сказать "Хайль". А если офицер – англичанин, то поднять две руки и сказать "Сдаюсь"!

Черчилль вежливо посмеялся и спросил:

– А как же немцу приветствовать офицера-большевика?

– Наши фронтовики шутят и про это, господин Черчилль. При виде Советского офицера немцу приветствовать некогда. Нужно бросать всё и спасаться в окопе, пока не убили!

Несмотря на неравные условия, Советский Союз успел к Берлину первым. Рейхстаг брали солдаты маршала Жукова, а не хваленые морпехи Эйзенхауэра!

Как любят американские пропагандисты с "Радио Свобода" клеймить Советско-германский договор о ненападении! Тот самый пакт Молотова-Риббентропа, который позволил на полтора года оттянуть неизбежную войну, собраться с силами Советской армии и промышленности.

Вспомним как за год до этого такие же пакты заключали с Гитлером Британия и Франция. Как в сентябре 1938 года в Мюнхене было совершено одно из самых тихих преступлений в мировой политике. Преступление стоило миру более пятидесяти миллионов жизней!

Мы знаем это соглашение от сентября 1938 года как "Мюнхенский сговор". Советское правительство во главе с товарищем Сталиным потратило много сил, чтобы он не случился. Но в 1938-м этот камень нам было не поднять.

Тогда в Мюнхене Гитлер собрал британского премьера Чемберлена, французского Даладье и Дуче – изобретателя итальянского фашизма. Решался вопрос расчленения Чехословакии и захвата немцами Судетской области.

Все понимали, что Гитлера необходимо остановить, но страх перед большевиками был еще больше. Сталин направил британцам и французам ноту с требованием не поддерживать претензии фашистов.

Если германцы введут войска в Судеты, Советский Союз предлагал оказать чехам военную помощь. Правда, для этого сначала пришлось бы разгромить армии Польши и Венгрии, которые не давали прохода Советским войскам. Понятное дело, эти страны сами планировали поживиться за счет чехословацких земель.

Через год, в своей знаковой речи "Hush over Europe" Черчилль назовет политику британских властей "затишьем над всем миром, затишьем марширующих сапог". Он также назовет германские армии "солдатами-освободителями".

Именно они "освободили" Австрию от ужасов самоуправления. Они "спасли" Чехословакию от страданий независимого существования, – писал Черчилль.

Что ж, это не помешало великим державам в сентябре 1938 дать Гитлеру полный карт-бланш. Чехословакия была отдана на разграбление.

Судетская область отошла немцам, Тешинская – Польше, Словакия стала "независимой" и тоже подпала под власть Германии. Поживилась чешскими областями и Венгрия.

Тогда, в сентябре 1938 года фашистов еще можно было остановить. Но капиталисты заткнули уши и остались глухи к предупреждениям Сталина.

Чемберлен на переговорах прямо сказал вождю, что намерения германских властей миролюбивы. И западные державы поддерживают такую позицию Гитлера. Поводов для беспокойства нет.

Более того, сразу после мюнхенского сговора Британия подписала с немцами свой пакт "Чемберлена-Риббентропа", договор о ненападении. Немного позднее такой же договор подписут с Гитлером и французы.

Сталин, узнав о переговорах в Мюнхене, мрачно заявил британскому премьеру:

– Это миролюбие Гитлера, господин премьер-министр, напоминает мне одну грузинскую семью. Они так любили друг друга, что уже два раза откладывали развод. Так и Ваш Гитлер настолько привержен делу мира, что уже пару раз откладывал войну!

Сталин оказался прав. Тихое шлепанье германских сапог по европейским столицам превратилось в самую страшную в истории человечества мировую войну. Гасить которую в который уже раз пришлось не западным политикам, а простому русскому Ване!

В ходе переговоров как-то Сталин заговорил о роли коммунистической партии в освобождении Европы от гитлеровцев. Черчилль раздраженно спросил:

– Для нас, англичан, партии – инструмент борьбы за избирателей. Как партия может кого-то освобождать? Чем вообще занимается Ваша партия?

Сталин ответил необычайно серьезно:

– Компартия работает, чтобы искоренить в человеке зверя.

Знаменитый Советский министр иностранных дел Вячеслав Молотов как-то пикировался на переговорах с американским коллегой. Тот разливался соловьем по поводу свободы слова в штатах. Так, мол и так, мы у себя в Америке можем говорить про свое руководство что угодно. А вот в Советском Союзе такое не принято, боятся, наверное, люди.

Американский посол даже заявил, что может в любой момент выйти на лужайку перед Белым домом и прокричать, что президент – дурак. Свобода слова и все тут!

Молотов не смутился и попытался перевести бестолковую дискуссию в шутку:

– Я тоже могу выйти на Красную площадь и сказать, что Ваш, американский президент – дурак. Мне тоже ничего за это не будет.

– А про господина Сталина Вы такое можете прокричать на площади?

– Нет, про Сталина не могу, – твердо ответил наш министр.

– Вот видите! – радостно оживился посол, – А из-за чего?

– Из-за того, что это не так! – веско закончил Молотов.

К началу 1944 года уже было понятно, что до победы союзников над Гитлером еще далеко, но что она неизбежна. Быстрая и легкая победа Советского Союза над Германией была не выгодна нашим западным "друзьям". Чем сильнее ослабли бы в войне Советы, тем лучше было бы нашим идеологическим противникам – США и Англии. Это стало ощутимо выливаться в снижении интенсивности бомбежек немецких городов союзниками. Возмущенный этим Сталин написал письмо Черчиллю, но не в гневном, а в шутовском ключе:

– Уважаемый премьер-министр! Шлю Вам наш армейский привет. Хотел бы развеять Ваши опасения, вылившиеся в почти полное прекращение бомбардировок немецких укрепрайонов и столицы. Продолжайте бомбить Берлин смело! Заверяю Вас, что немцы очень работающая нация. За время, оставшееся до нашей Победы, они вполне успеют заново отстроить в Берлине какой-нибудь дворец, потребный для подписания в нем капитуляции Германии!

Черчилль очень хорошо понял намек Верховного и Британия была вынуждена возобновить бомбардировки фашистских войск.

В начале Войны Сталин пригласил британскую делегацию на переговоры в Москву. Очередной раунд переговоров, британские дипломаты как на иголках.

Лорд Черчилль держит лицо, но то и дело срывается, выбегает в туалетную комнату. Сталин спрашивает у Берии, что стряслось.

Берия мрачно пожимает плечами:

– Всё исполнено в лучшем виде, товарищ Сталин. Не пойму, что британцам не так. Мы расстарались, всё для них самое лучшее, их родное. И напитки, и еда, всё английское. Даже соль!

Английская соль, она же – магnezия, сильнейшее слабительное.

Перед очередными переговорами с союзниками Сталина спросили какое самое верное средство договориться. Нужно ли упираться на общечеловеческие ценности, убеждения или уповать на страх союзников перед Гитлером и на мощь СССР.

Сталин ответил, что, пожалуй, придётся напирать на страх:

– Ценностей у наших "союзников" никаких нет, убеждения меняют как джентльмен перчатки. Только и остается, что страх.

В 1944 году шли переговоры Сталина с британским премьером Черчиллем. Обсуждалась судьба Югославии после освобождения от фашистских захватчиков. Советский Союз поддерживал социалистов во главе с Осипом Броз Тито. Их партизанские отряды храбро били врагов еще во время оккупации.

Британия, наоборот, настаивала на возврате власти эмигрантскому правительству Югославии, которое сидело в Лондоне во главе с королем Петром II. Сталин возражал:

– Господа союзники, пока Титовцы скрывались по лесам и пускали под откос германские поезда Ваш король Пётр гонял чай в лондонском отеле. Наша партия считает – кто сражался за свою Родину, тот и должен взять ее в руки после победы!

На возражения Сталина, что народ Югославии не поддержит королевское правительство, бросившее страну, Черчилль стал говорить о достоинствах короля. Мол, его величество еще очень молод, у него все впереди и он станет со временем хорошим руководителем страны.

Сталин послушал эти панегирики югославскому монарху и спросил:

– Господин Черчилль, а сколько же лет этому Вашему молодому королю?

– Двадцать один, – ответил премьер.

– Двадцать один?! – вскричал вождь, – Двадцать один?! И Ваш Пётр только собирается набираться опыта? Наш Пётр Первый в семнадцать уже царем стал!

После освобождения Югославии ее возглавило социалистическое правительство Тито. Король так и остался "гонять чай" в Лондоне.

В марте 1935 года товарищ Сталин встречался с лордом-хранителем печати Великобритании Иденом. Вождь высказал свою озабоченность ситуацией в Европе, даже спросил Идена как бы он сравнил нынешнюю ситуацию, с годом, ну скажем, 1913-м. Британец отлично понял намек на предвоенный год и сказал, что сейчас ситуация намного лучше, так как Лига наций (прообраз ООН) не допустит новой войны.

Сталин задумчиво прикусил мундштук трубки сказал:

– Лига наций, конечно, дело хорошее. Но вот Германия, к примеру, из нее вышла. И возвращаться не хочет. Рвет на глазах у всех международные соглашения, считает их пустыми бумажками. Как верить их подписям под новыми документами?

Дальше Сталин принялся объяснять британскому представителю, что единственной реальной гарантией против войны был бы Восточный пакт взаимной помощи. Сталин очень просто пояснил как должен работать такой пакт:

– Ведущие государства Европы, господин лорд, должны договориться и помогать друг другу против агрессора. Вместе. Вот, к примеру, нас здесь шестеро. Был бы заключен такой пакт и вдруг товарищ посол Майский решил на кого-нибудь из нас напасть! Вышло бы у него что-то? Нет, не вышло бы. Мы бы вместе его наверняка побили! – Сталин улыбнулся и добавил, – Вот потому товарищ Майский и ведет себя вежливо!

Британская делегация очень хорошо поняла метафору Сталина.

На той же встрече, желая сделать приятное хозяевам приема, Иден похвалил большую карту Советского Союза в переговорной:

– Замечательная карта и такая огромная страна! Наша Британия по сравнению совсем маленький остров.

Против ожиданий британского хитреца Сталин не улыбнулся:

– Да уж, господин лорд, остров прямо скажем небольшой. Вот если бы этот "островок" твердо заявил немцам – не дадим вам ни финансов, ни металла, ни зерна, – был бы мир в Европе...

Идену ответить на это было нечего.

В августе 1941 года, когда наша Красная армия несла на себе всю тяжесть боев с Гитлером, снова прошла встреча с британским представителем Иденом. Сталин, ссылаясь на необходимость борьбы с общим врагом, просил британское правительство поторопиться с материальной помощью Союзу, хотя бы начать заранее обговоренные поставки продовольствия и топлива.

Британский лорд как всегда юлил, на словах рукоплескал доблестным Советским воинам, а на деле подписывать какие-то обязывающие британцев документы отказывался. Особенно возмутила Сталина речь британца о высоком союзном долге и как в древней истории Великая Британия всегда выполняла свои обязательства. В заключение Иден назвал Советский Союз и Британию "союзниками на век". Сталин вспылел, но не показал этого и спокойно проговорил:

– Русский царь Александр говорил, что у России лишь два союзника – армия и флот. Сегодня мы можем сказать, что у Советского Союза только один союзник – мировой пролетариат! На месте британского правительства я бы подумал как британский пролетариат отреагирует на такую позицию нашего "союзника на век"!

Социалистической революции британские лорды не захотели и достаточно быстро поставки топлива в Советский Союз все-таки начались.

В августе 1942 года в Москве с визитом был британский премьер Уинстон Черчилль. Неофициальная часть встреч запомнилась современникам рядом курьезов.

В один из дней после переговоров Сталин вывез британскую делегацию на пикник. Пока помощники готовили все для шашлыков, руководители мирно беседовали, развалившись в матерчатых креслах.

Август, лето на исходе, да еще и местечко, видимо, такое попало – много комаров. Британец весь извертелся, обчесался от укусов. А Сталин, привычный к мошке еще со времен туруханской ссылки, сидит как ни в чем не бывало.

Черчилль вспылел – как же так, почему эти Советские комары меня кусают, а Сталина – нет!

Сталин с непроницаемым выражением лица посмотрел на британского премьера и без тени улыбки пошутил:

– Вас, господин Черчилль, почему – не знаю. А меня – нельзя!

Пока начальники отдыхали Берия вооружился топором и лично рубил дрова для костра. Зрелище было колоритнейшее. Сталинский нарком ставил чурбачок, коротко замахивался и так ловко бил топором, что чурочки как будто сами отпрыгивали в разные стороны.

Черчилль с некоторой опаской несколько раз оглянулся на Берию. Все-таки британские газеты знаменитого наркома иначе чем "кровавым людоедом" и "личным палачом Сталина" не называли. А тут с топором, мало ли, пойми этих коммунистов...

Сталин заметил эти взгляды и решил слегка подколоть надменного лорда:

– А что это, господин Черчилль, даже лягушки замолчали? Кваканья не слышно. Я Вам скажу почему. Его – бояться! – сказал вождь и кивнул в сторону раскрасневшегося от рубки дров Берии.

Черчилль от этой шутки слегка вздрогнул, но овладел собой и рассмеялся.

Переговоры в том августе прошли так себе. "Союзники" так и не согласились открыть второй фронт, всё тянули пока Советы разгромят основные силы фашистов. Тем не менее, на словах британцы были героями.

Черчилль постоянно подчеркивал роль и помощь союзников, что мы сражаемся плечом к плечу и т.п. Хорошо сражаться, когда русское плечо гнется под Сталинградом, а британское играет в крикет на своем острове. Но политика есть политика.

Прощаясь перед отлетом домой, Черчилль покровительственно похлопает Сталина по руке и скажет с большим пафосом:

– Я не прощаюсь, господин Сталин. Я говорю – до свидания. До встречи в Берлине!

Сталин улыбнулся и вежливо окоротил британского позера гостеприимным приглашением:

– До свидания, мистер Черчилль. Будем рады принять у нас! У нас – в Берлине!

Тегеранский ППП Микояна

1943 год, первая большая конференция союзников в Тегеране. Самый больной вопрос – открытие союзниками Второго фронта в Европе. Юлили и отбивались как могли, затянули в итоге чуть ли не до конца Великой Отечественной, когда победа Союза не вызывала сомнений ни у кого. Поразительно, что уже в Тегеране товарищ Сталин поставил перед союзниками вопросы о будущем устройстве Европы. Делить мир так, чтобы хотя бы в Европе прекратить надолго безобразия. Можно уверенно сказать, что конференция стала подлинной дипломатической победой СССР.

Сталин штиблетами не махал, вот уж кто был тончайшим игроком, хоть дипломатических академий и не кончал.

Описал эту историю в своих воспоминаниях Валентин Бережков. Талантливейший синхронный переводчик, помощник Сталина, глубокий историк дипломатии.

После очередного тяжелого раунда переговоров состоялся торжественный ужин для глав делегаций. Неудивительно, дипломатические игры продолжились и там.

Характерно, игру повел не сам британский премьер, не позволяло положение. С тостом поднялся его правая рука – генерал Алан Брук, глава британского генштаба. Кстати, последовательный противник участия британских войск в боях с фашистами в Европе.

Брук стал говорить вещи, с дипломатической точки зрения почти недопустимые, едва ли не хамские. Что главную тяжесть войны с Гитлером несет Англия, что ее граждане пострадали сильнее всего от немецких бомбежек. Что победа уже показалась на горизонте исключительно благодаря храбрости английских воинов.

Это не было простым хвастовством. Значительная часть вопросов конференции в Тегеране были посвящены как раз тому, как делить сферы влияния в Европе после Победы. Это был вопрос даже не территориальных приобретений, а создания базы для долгого мира.

И вот один из лидеров британской делегации, пусть и в форме тоста, делает открытую заявку. Британия первой вступила в Войну, главная в будущей Победе, а значит...

Ну, как "воевали" англичане с немцами с 1939 года рассказывать не нужно. В речах самого Черчилля можно найти немало и про "странную войну" и про "тишину над Европой".

Свой экспедиционный корпус из Европы гордые бритты забрали очень быстро. Нарушив попутно свои обязательства по союзному договору с Францией. Оставив французов на разгром германским ордам. Так и "воевали" из-за пролива.

Повисла крайне неловкая пауза. Все присутствующие прекрасно знали кто на самом деле бьет сейчас фашистов. Рассказывать про жесточайшие бои нашей армии с гитлеровцами на Восточном фронте не требовалось.

Менее искусственный дипломат, чем Сталин не знал бы что делать. Спустить дело на тормозах, отшутиться, сделать вид, что в тосте нет ничего оскорбительного для СССР? Или наоборот, указать британцам на фактическое положение дел, вступить в унижительную перепалку, да еще не с первым лицом?

Сталин поступил красивее. Поднялся с бокалом и сказал, что хочет поддержать тост британского командира:

– Господин генерал забыл упомянуть о вкладе Североамериканских Соединенных штатов. Эта война – война техники, сложных вооружений. Господин Рузвельт выпускает до десяти тысяч истребителей и бомбардировщиков ежемесячно. Британия дает только три тысячи. Мы ценим, что часть этих машин поступает в СССР. Это помогает Красной армии двигаться к Победе. За эту помощь я и хотел бы выпить!

Вот так. Поблагодарил – так поблагодарил. И место британцам указал и объяснил всем мимоходом, что воюет по-настоящему с черной заразой – Советский Союз. А помощникам, Британии и САСШ, от нас спасибо, но и только. Красиво?

Опять обсуждался вопрос открытия второго фронта в Европе. Дело как обычно заканчивалось одними разговорами.

Вместо обсуждения конкретных параметров второго фронта – сколько войск выставят союзники, где, к какому сроку, обеспеченность вооружением и т.п. – британский премьер Черчилль принялся говорить о высоких материях. Что, мол, неплохо бы сначала Советскому Союзу пойти навстречу западным народам, которые, мол, сплошь католики. Открыть пару десятков католических церквей в Союзе и вообще "больше работать в моральном плане".

На это Сталин достаточно жестко высказался, что:

– Господин Черчилль, нам нужны союзники с танками и самолетами, а пустых разговоров и церковного ладана и у самих хватает.

Черчилля это не угомонило. Он продолжил настаивать, что католическая церковь – ведущая духовная сила всей Европы. И что неплохо было бы как-то выстроить отношения с ее главой – Папой Римским Пием XII.

Чтобы оценить всю иронию предложения Черчилля нужно вспомнить кем был тот Папа. Именно он, еще не будучи Папой, подписал с нацистской Германией договор о невмешательстве в дела друг друга – так называемый Рейхсконкордат. Именно он все годы войны всячески выдерживал нейтралитет между нацистами и союзниками. Более того, сохранились его обращения к британскому руководству с просьбой делать что угодно, но не бомбить Рим, в котором стояли нацистские войска. Мол, фашисты не такие уж и плохие, а у нас тут культурные ценности.

Когда ближе к концу войны встал вопрос о помощи Ватикана побеждающим союзникам, хотя бы для гуманитарных целей – на помощь раненым и потерявшим в ходе войны кров, Пий поступил по-своему. Он приказал выделить средства из богатейших резервов церкви и направить их... за океан в США. Конечно, по мнению Папы, именно там было больше всего пострадавших от войны.

Сталин терпеливо выслушал потуги Черчилля про необходимость Советам подружиться с Ватиканским престолом и задал только один вопрос:

– Господин Черчилль, Вы не напомните мне... сколько у Папы Римского... дивизий? Больше союзниками вопрос о сотрудничестве с Ватиканом не поднимался

Как водится, наши заокеанские друзья были орлами только на словах. На каждом заседании Черчилль сообщал, что Британия героически воюет с Гитлером дольше всех – еще с 1939 года. Война эта, правда, заключалась в том, что хитрые бритты от греха забрали из Франции к себе домой свой экспедиционный корпус и оставили галлов на разграбление германцам.

После очередного такого пассажа союзников, что Второй фронт как бы и не очень нужен, Советы и так хорошо воюют, а союзники их морально поддерживают, Сталин рассказал некий анекдот. Мол, так и так, про наши тегеранские совещания уже ходят байки в немецком генштабе.

Сталин предупредил, что анекдот германский, а потому не слишком приятный для присутствующих, но что делать, из песни слова не выкинешь.

Спорят как-то Сталин, Черчилль и Рузвельт. Выясняют, кто ради чего ведет войну с немцами. Американский президент говорит – война от нас далеко, потому мы сражаемся чтобы заработать. Возьмем своё репарациями после Победы, а пока что наши военные заводы продадут оружие и британцам, и Советам и гитлеровцам. Воюем ради долларов!

Британский премьер не отстаёт. Мы, говорит, бьемся не ради презренных монет. Наша мечта возродить блеск и славу Британской империи. Чтобы, как встарь, не заходило солнце над нашими владениями. Ведём войну ради величия и чести!

А Советский вождь говорит – чужих денег нам не нужно, потому ради денег нам воевать незачем. К мировой славе или империи большевики тоже не стремятся, потому и ради величия воевать нам не хочется. Выходит так, что Советскому Союзу воевать-то и не за что. Потому – воюем ради мира, чтобы никто больше не воевал ради пустых целей!

Союзники выслушали этот анекдот и президент Рузвельт удивленно переспросил:

– В чем же соль анекдота? И что оскорбительного для присутствующих в этой истории? Ведь и правда, кроме высоких слов о борьбе с фашистской гидрой, американцы не прочь заработать, британцы завоевать славу и возродить величие империи, а русские – прекратить разрушительную войну на своей территории.

Сталин хитро посмотрел на партнеров по переговорам и сказал:

– А соль, господа союзники, в том, что каждый сражается за то, чего у него нет. У кого денег, у кого мирного неба, а у кого чести! – сказал Верховный и наградил союзничков тяжелым взглядом.

В значительной степени тогдашний Иран был зоной влияния Союза и товарищ Сталин выступал в каком-то смысле хозяином мероприятия.

Тем не менее, чтобы союзники могли сохранить лицо, на официальном уровне постоянно подчеркивался нейтральный характер площадки для встреч. Это выразилось в том числе и в традиционных восточных приемах, и в неожиданных подарках с намеком.

Крайне болезненным был вопрос об открытии США и Британией второго фронта. На словах всё было прекрасно, а вот как дело доходило до конкретного обсуждения отправки дивизий на гитлеровские фронты, наши "партнеры" тут же прикрывались витиеватыми речами.

По распоряжению Сталина, в местных иранских мастерских были штучно изготовлены подарочные пистолеты-пулеметы Шпагина, знаменитые ППШ. Дарить оружие – вообще давняя восточная традиция, здесь же в подаренных Советских автоматах читалось ясное послание союзникам – Возьмите уже оружие в руки!

Не обошлось и без красивой подначки. Верховный попросил на каждом автомате приклепать табличку с надписью на английском – "Сделано в Иране". Здесь имелась и тонкая игра слов – made in Iran, относилось не только к оружию, но и военному союзу, к решению о совместной борьбе с германским фашизмом, которое тоже было "изготовлено в Тегеране" в 1943 году.

Чтобы еще более подчеркнуть, что Советы как бы не имеют отношения к этому подарку местных властей гостям никакого отношения, на автоматах была крупно выгравирована дата изготовления. Дата указывалась не по традиционному европейскому летоисчислению от Рождества Христова, а по иранскому календарю – солнечной хиджре. На ППШ гордо красовался год производства – 1322.

По окончании переговорных дней конференции подарочные автоматы были торжественно преподнесены представителями иранского правительства каждой из делегаций союзников. Намек был понят правильно и с кислыми минами Черчилль и Рузвельт были вынуждены фотографироваться с легендарным Советским оружием в руках.

Этим история не кончилась. После официальной части, знаменитый министр внешней торговли Анастас Микоян принялся нахваливать хитрость товарища Сталина с подарками-намекми. И даже довольно неместно высказался о лидерах союзников. Мол, вот как мы умыли капиталистов, будут знать!

Товарищу Сталину это не слишком понравилось, союзники, конечно, те еще кадры, но и поносить их за спинами как-то неуместно. Он хитро прищурился и поманил Микояна к себе:

– Знаете, товарищ Микоян, мы в семинарии крепко долбили древнюю историю. Вот, к примеру в 1322 году, мне помнится, войска московского князя Юрия Даниловича крепко погнали шведов. От Новгорода.

Сталин выдержал звенящую паузу, глядя на ничего не понимающего Микояна. Причем тут шведы, какой 1322 год?! Затем вождь вытащил из коробки предназначавшийся ему автомат и протянул Микояну:

– Вот, умоете немцев под Новгородом, тогда и поговорим. И год на машинке выбит правильный. Тот же, 1322-й! Поработайте немного древним князем!

Пришлось уже Микояну с кислой миной принимать подарок вождя. Через месяц от Новгорода развернется могучая Новгородско-Лужская наступательная операция. 27 января 1944 года в результате этой операции будет полностью освобожден из тяжелейшей, почти трехлетней блокады город-герой Ленинград.

Командовать снабжением наших армий в этой операции, сложнейшими поставками боеприпасов, топлива, продовольствия многотысячным воинским частям будет Анастас Микоян. Со Сталинским подарком – ППШ 1322 года выпуска на боку!

На очередной прямой вопрос Сталина – когда уже с гитлеровцами будут биться не только Советские солдаты – Рузвельт принялся расхваливать наших бойцов. Особенно он превозносил перебазированные с дальнего востока дивизии. Они крайне отважно сражались и под Москвой, и под Сталинградом.

Действительно, эти войска не попали в мясорубку первых месяцев войны. Поэтому там сохранилось множество опытных кадровых офицеров, да и солдаты были опытными военными. Возможно, именно эти дивизии выступили той соломинкой, что сломала хребет германскому верблюду на Волге.

Рузвельт даже попросил Сталина направить непременно именно дальневосточные дивизии на помощь союзникам, когда придет время все-таки открыть второй фронт в Европе.

Сталин прекратил набивать трубку и притворно удивился:

– Дальневосточников? Зачем они Вам понадобились? У Советского Союза есть войска гораздо лучше – наберем из учащихся суворовских и нахимовских училищ!

– Но, мистер Сталин, они же школьники! Вы хотите послать на фронт детей?!

Сталин хитро улыбнулся и забил последний гвоздь:

– К тому моменту, как США соберутся открыть второй фронт, эти дети не только вырастут, они полками командовать будут!

Союзникам пришлось кисло поулыбаться шутке вождя в свой адрес.

На той же конференции несколько дней спустя союзники попытались учить Сталина как нам лучше бить врага. Сталин вспылал:

– Вы, господа союзники, обещали нашему народу открыть второй фронт год назад. И не выполнили обещания. Вы твердо клялись, что в этом году фронт будет открыт наверняка! И опять подвели. А теперь учите нас как воевать?

Британский премьер Черчилль попытался отшутиться:

– Что же, между партнерами такое бывает. Мы были вынуждены нарушить свои клятвы лишь два раза. У нас, в Британии, два раза прощают даже измену супругу.

Сталин овладел собой и ответил уже холодно и спокойно:

– У нас, конечно не Британия, господин премьер... Но Вы забыли упомянуть еще срыв союзниками поставок бензина и продовольствия по ленд-лизу, присылку негодных машин в войска, самолеты для Советов, что пылятся на дальних английских аэродромах, американских промышленников, что "из убеждений" помогают Гитлеру деньгами...

Сталин сделал леденящую паузу и закончил с усмешкой:

– Иная дама тоже скажет в оправдание... Было-то дело всего дважды. Один раз с артиллерийской академией, другой с труппой Большого театра. Такую даму, у нас отчего-то леди не назовут!

Черчилль слегка покраснел и больше за срыв союзнических обязательств не пытался оправдаться.

Во время обсуждения в Тегеране вопросов поставки военной техники, топлива и химического сырья по ленд-лизу Сталин высказал союзникам целую тираду. Наша рабоче-крестьянская красная армия всю громит врага, не жалеет своего живота! А Вы даже поставки простого керосина для авиации организовать как следует не можете. Сталин говорил долго и очень эмоционально.

Президент Рузвельт, захваченный речью Верховного горячо поддержал:

– Вы, наверняка, и не подозреваете, как Вы правы!

Сталин вежливо улыбнулся и ответил:

– Кто знает, быть может, вполне подозреваю...

На заседании, посвященном необходимости и срокам открытия второго фронта, руководители британской и американской делегации много говорили о проблемах. Начиная от неготовности армии, трудностей доставки ее к местам боев, так и до чисто политических особенностей принятия решений в их странах. Мы не сможем объяснить это нашим избирателям, – говорили они.

Когда настал черед выступить Сталину он извинился и сказал, что не будет выступать по существу этого вопроса. И тут же рассказал союзникам, что среди дипломатов ходит такой анекдот о нём самом:

Идет телефонный разговор Сталина и Черчилля. Сталин в трубку:

– Нет, нет, нет. Нет! Да. Нет, нет, нет...

По окончании разговора секретарь спрашивает:

– Товарищ Сталин, на какой же вопрос премьер-министра Вы ответили "Да"?

– Он переспросил хорошо ли мне слышно.

Посмеявшись, союзники очень хорошо поняли посыл этого анекдота. И кто именно на этой конференции постоянно говорит "нет". Переговоры по второму фронту после этого пошли гораздо легче.

По окончании конференции в Тегеране был дан концерт специально прилетевших артистов Большого театра. Перед такой публикой труппа выступала впервые, артисты волновались. Сталин попросил разнообразить классическую программу русскими народными и Советскими патриотическими песнями. Исполнителей он просил не беспокоиться:

– Не стоит тревожиться. Помните, что Вы поете перед простыми любителями!

Обсуждался финский вопрос. Сталин настаивал на восстановлении границы 1940 года (т.е. включения в состав Советского Союза отвоеванных у финнов земель). Кроме того, Советская делегация требовала установить размер денежных репараций, которые Финляндия должна была выплатить за нанесенный ущерб. В частности, финнов обвиняли в помощи немецким войскам в блокаде героического Ленинграда.

В ответном слове британский премьер Черчилль всячески защищал финнов, чтобы ущемить интересы Советов. Он рассуждал, что Финляндия маленькая страна, а ущерб нанесенный ими Советскому Союзу так велик, что "финны за тысячу лет не расплатятся". А потому этой маленькой бедной стране нужно вернуть и Советскую Карелию и никаких репараций с них не требовать.

Свою пафосную речь Черчилль закончил ударом ниже пояса:

– Я так давно в политике, что помню Вашу Советскую республику совсем молодой. Четверть века назад ваши революционеры говорили о "мире без аннексий и контрибуций!". Призываю Вас следовать собственным заявлениям!

Сталин хищно улыбнулся на лицемерное заявление британского колониалиста, привыкшего десятилетиями грабить завоеванные Британией страны и сказал:

– Господин Черчилль, я тоже совсем не молод. Я стал замечать, что с годами становлюсь все менее и менее революционером, и все более и более консерватором!

По итогам подписанных протоколов конференции Карелия была закреплена за Советским Союзом.

И снова про второй фронт. Союзники на словах были орлами, а на деле активно воевать с немцами не брались. после очередного жаркого обсуждения Сталин подколот союзников:

– Господа, я тут беседовал с одним пленным немецким генералом. И он, представьте рассказал такой анекдот: "У германских танков три передачи вперед и одна задняя. А у английских, наоборот, – одна вперед и три назад." Не знаете, что бы это могло означать? – невинно поинтересовался Верховный.

Какой палец называют средним, господин Черчилль?

Ялтинская конференция, самое начало 1945 года. Перспективы скорой Победы не вызывают сомнений. Сталин собирает союзников у нас дома, чтобы, скажем прямо, диктовать им новое мировое устройство. Они-то приехали делить будущие барыши, а вождь раз за разом объясняет им, что главное – установить прочный мир в Европе. Ну и законные интересы Союза не обделить.

Рассказывают, что на Ялтинской конференции Сталин, желая поддеть Черчилля, сказал, что после Победы надо будет как можно скорее казнить военных преступников, немецких генералов и офицеров, которых не менее пятидесяти тысяч.

Черчилль, разгоряченный этими словами и армянским коньяком, подскочил от возмущения:

– Подобный взгляд коренным образом противоречит нашему английскому чувству справедливости! Англичане никогда не потерпят подобных массовых казней!

Тут вступил Рузвельт и с улыбкой произнес:

– Необходимо найти компромиссное решение. Быть может, вместо казни пятидесяти тысяч военных преступников мы сойдемся на сорока девяти тысячах?

По воспоминаниям Черчилля, после этих слов он от возмущения хотел уйти прочь, но, чтобы успокоиться, вышел в соседнюю тёмную комнату и встал у окна. Вдруг он почувствовал, что его кто-то тронул за плечо.

Обернувшись, он увидел Сталина и рядом с ним Молотова. Улыбаясь, Сталин сказал, что пошутил. У них продолжилась доверительная беседа, во время которой Сталин дал понять, что сознательно обострил этот небольшой конфликт:

– Крепкая дружба начинается с недоразумений...

Как-то после переговоров в Ялте уязвленный проигранной позицией Черчилль ядовито заявил вождю:

– Многие в моей стране говорят о расстрелах и лагерях для тех, кто не согласен с Вашей Советской властью. Если это соответствует действительности, то Ваша совесть так же черна, как Ваши усы!

Сталин не полез в карман за словом. Он вежливо улыбнулся взбешённому британскому премьеру и холодно ответил:

– Уж какую заслужил, такую заслужил, господин Черчилль. Впрочем, Вы сами-то усов не носите вовсе. По Вашему выходит, что у Вас-то совести совсем нет?!

Надменный лорд не нашелся что ответить, покраснел и почти выбежал из комнаты переговоров.

На банкете после очередных тяжелых совещаний о будущей судьбе Польши ужинали руководители делегаций. Черчилль был раздражен непробиваемой позицией русских и все ему было не так.

Не зная как еще задеть Сталина, британец брезгливо отодвинул от себя блюдо с поданными дорогими сырами и буркнул:

– К этому вину в приличных домах принято подавать голландский сыр, а не швейцарский!

Сталин взял ароматный ломтик и внимательно осмотрел его:

– Восхищен Вашими вкусами, господин премьер. Вот я человек простой и ума не приложу как Вы их различаете. По произношению, что ли? Вот, кажется, вполне хороший сыр... ан нет, есть у него какой-то легкий английский акцент...

Сталин отложил кусочек сыра обратно на блюдо нетронутым. Черчилль смутился и был вынужден попросить у хозяина приема прощения за бестактность.

В один из вечеров заключительных дней конференции Черчилль изрядно принял отменного армянского коньяка и принялся рассуждать о свободе.

Мол так и так. Подлинную свободу понимают только истинные британцы. Британская свобода – это возможность выбирать свой путь. Это неотъемлемое право британского джентльмена. У гордых бриттов свободолюбие и независимость глубоко в крови. А вот "раши коммюнист" такого лишены.

Разговор был неформальный, да и Сталин тоже слегка расслабился, напряжение переговоров слегка ушло. Вождь не выдержал такого оскорбления партии и Советского народа:

– Мы, большевики, о свободе знаем не понаслышке. Мы за нее, господин Черчилль, кровь проливали. Наша, пролетарская свобода – это возможность послать любых зарубежных "учителей" к дьяволу. А у Вас есть возможность выбора – к дьяволу отправиться или куда еще. Мы же, большевики, зная что такое право у Вас в крови, не смеем мешать Вашему решению!

Говорят, Черчилль смеялся так, что даже расплескал бокал и шутливо признал свое поражение в споре.

Английская делегация жила в Воронцовском дворце. Известно, что этот дворец строился по чертежам того же архитектора, что и Лондонский Букингемский дворец.

После окончания переговоров Черчилль спросил – нельзя ли Британии купить такой прекрасный дворец?

Сталин выслушал и неожиданно спросил:

– А какой палец англичане называют средним?

Британский герцог показал – этот.

– А у нас этот, – улыбнулся Сталин и показал фигу.

Одним из болезненных вопросов в Ялте было – как поступить с захваченным немецким военным флотом, одним из самых сильных в Европе. Сталин внес предложение разделить этот флот между державами-победительницами. Черчилль, напротив, не хотел создавать себе сильного конкурента на море. Британия предлагала захваченный флот утопить.

Сталин, как всегда, нашел очень точную язвительную формулу:

– Я думаю, нужно объединить два наших предложения. Согласиться с господином Черчиллем и затопить... британскую половину флота.

Границы стран Европы после окончательной победы над фашизмом также вызывали много разногласий. Больше всего союзники переживали, что Советский Союз получит слишком много польских территорий себе. Судьба будущей западной Украины висела на волоске.

Президент Рузвельт даже заявил:

– Но позвольте, Львов, ведь даже не входил в Российскую Империю!

Сталин отреагировал молниеносно:

– Правильное замечание господина президента. Поговорим тогда о столице Польши – Варшаве. Она входила.

Так Львов стал Советским городом.

Переговоры идут очень тяжело, особенная грызня посвящена судьбе Польши (особенно областям, которые сейчас стали западной Украиной и западной Белоруссией). По вечерам, на традиционных банкетах главные участники переговоров пытаются разрядить обстановку к следующему напряженному дню.

На очередном таком застолье премьер-министр Британии Черчилль предлагает поднять тост за руководителя США – президента Рузвельта. Выпили.

Следующий тост поднимает товарищ Сталин:

– Теперь я бы хотел выпить за руководителя нашего союзника – Великобритании...

В наступившей паузе Черчилль расплывается в улыбке, пьют-то за него. Но Сталин невозмутимо продолжает:

– ... за его Величество короля Георга Шестого Виндзора!

Немая сцена. Черчилль взбешен и только ввевшаяся в кровь аристократическая привычка не позволяет показать этого. Всем известно, что в Британии у короля нет никакой власти и все нити в руках премьер-министра. Но формально Иосиф Виссарионович прав, действительно, – за короля.

Впрочем, британец быстро опомнился и предложил третий, заключительный тост. Со своим обычным слегка гнусавым выговором Черчилль предложил выпить и за руководителя Советского государства... Всесоюзного старосту Михайло Ивановича Калинина!

Сталин тост принял с хитрой улыбкой и осушив бокал сказал:

– Хороший тост, но как не следует путать силу русских пушек с заморской британской артиллерией, так и не следует путать товарища Калинина с... его Величеством королем Британии.

После очередного напряженного дня переговоров в Ялте Сталин повел разгоряченных спорами союзников прогуляться в уникальном зимнем саду Ливадийского дворца. Даже в разгар января в теплом, искусственно освещаемом саду цвели редкие тропические цветы и кустарники.

Вождь подвел коллег к небольшим ящичкам с особым сортом орхидей. Эти цветы были выведены американскими флористами специально в честь победы Советских войск в Сталинградской битве. Цветок получил красивое латинское название Орхидеэ Сталинградис.

Над цветками с жужжанием вились несколько припозднившихся шмелей. Получилось так, что пока руководители любовались цветами, один шмель сел Черчиллю сзади на шею, а второй впился в руку Рузвельта. Оба от неожиданных укусов не удержались и вскрикнули.

Черчилль в шутку упрекнул вождя, что – должно быть, это особые, Сталинградские шмели, кусают всех, кроме самого товарища Сталина.

На это Верховный улыбнулся и с легкой ехидцей сказал, что у него есть более простое объяснение:

– На этой конференции большевики честно говорят, что могут позволить себе союзники Советского Союза и что они не должны позволять себе. А Ваши заявления, господа, похожи на сладкую водичку – обещаний много, дела мало. Вот шмели и выются!

На той же конференции очень жесткие обсуждения были посвящены проблеме будущего раздела Польши. Союзники очень хотели воссоединить Польское государство, сделать его капиталистическим, создать из братьев-славян враждебный кордон на границах Союза.

Сталин, напротив, выступал за Польшу с Советским правительством, а восточную часть страны и вовсе оставить в Союзе в виде Западных Украины и Белоруссии. Переговоры и торговля поселками и целыми областями шла ожесточеннейшая.

Черчилль в пылу полемики сорвался и довольно оскорбительно заявил, что Сталинская администрация не имеет права делить Европу! Что Советы уже в ходе войны совершили две

гигантские ошибки, за которые поплатятся в самом скором времени! Этими ошибками было: открыть русскому Ване Европу и открыть Европе русского Ваню!

Британский лис довольно грубо намекал на то, что Советские войска, насмотревшись на жизнь "настоящих цивилизованных людей", будут бунтовать против жестких на его вкус Советских порядков. И наоборот, что европейские народы, насмотревшись на "русских дикарей" в ужасе отшатнутся от Советов.

Сталин не выказал обиды и довольно спокойно ответил британскому премьеру:

– Кто там и что открыл, господин Черчилль, за других не скажу. Знаю другое – и в Польше, и в Венгрии, и в Чехословакии Советских солдат встречали как освободителей, цветами и песнями. И что-то на улицах Будапешта или Варшавы не было видно британской королевской пехоты или американских рейнджеров. Нужно помнить одну простую штуку – если бы не русский Ваня, не было бы давно никакой Европы!

Когда переговоры в очередной раз зашли в тупик, Сталин обратился к Президенту Рузвельту с вопросом, казалось, не имеющим отношения к делу:

– Господин президент, Вас так беспокоит судьба нашего соседа – Польши. Не напомните, сколько километров от Вашингтона до Варшавы, тысяч.. семь?

Это были не последние переговоры о Польше, но Сталин победит. Польша станет и социалистической и дружественной. Министром обороны у них будет маршал Константин Рокоссовский. Тот самый, который не дал гитлеровцам зимой 1941-го взять Москву.

Во время конференции лидеры стран-участниц несколько раз фотографировались для прессы. Фото делали на улице, для руководителей ставили кресла, т.к. Рузвельт не мог стоять из-за давних осложнений полиомиелита. Ялтинский климат, конечно, не настолько суров, как в центральной России или в Сибири, но все-таки начало января. Мягко говоря, не жарко.

Черчилль и президент Рузвельт вышли фотографироваться, как и принято у высоких начальников, без головных уборов и в легких летних туфельках. Сталин посмотрел на это все и сказал:

– Вот ведь, ради красивой позы готовы на всё! Даже макушку отморозить. Ну уж дудки, нам, русским, страну восстанавливать, голова еще пригодится!

Так и вышло, что на ялтинских фото Сталин единственный в сапогах и глубоко надвинутой фуражке. Государственное дело важнее красивой картинки.

Рассказывают, что во время очередных переговоров на Ялтинской конференции Черчилль и Рузвельт обменялись через помощников короткими записками. Сталин не показал вида, что его это как-то интересует. Тем не менее, все силы разведки были брошены на установление содержания этой переписки.

Одному из дипломатических сотрудников удалось добыть блокнот помощника Черчилля и восстановить по отпечатку надпись на вырванном листе. Ответная записка Черчилля Рузвельту гласила:

– Благодарю, но не стоит беспокоиться. Старый орёл не выпадет из гнезда.

Но что же это значит? И что написал Рузвельт, что получил такой вот ответ? Подключены лучшие шифровальщики и аналитики. Ответа нет. Сталин в сердцах бросает: "Это, должно быть, какая-то потрясающая глупость!".

По окончании конференции, когда утрясены все вопросы и окончательно подписаны итоговые протоколы состоялся прощальный банкет. Сталин в шутку попросил Черчилля открыть тайну, ведь уже на ход переговоров она повлиять не может. Британский премьер пошептал что-то Сталину на ухо.

После мероприятия смеющийся Сталин вызвал шифровальщиков и передал ответ Черчилля:

– Рузвельт написал, что после уборной премьер забыл застегнуть ширинку. Черчилль его так успокоил. Лучше, лучше нужно работать, товарищи. Даже такой простой шифр взять не смогли!

Два замерзших и голодных оккупанта сидят в окопе под Сталинградом. Вот-вот начнется русское наступление.

– Ганс, Ганс куда ты все время стреляешь? Русские еще не начали!

– Капрал приказал не отступать, пока есть патроны. А когда русские начнут – будет поздно.

Рассказано Сталиным во время конференции в курилке к вопросу о победах союзников над панически бегущими на западном фронте фрицами.

На закрытии мирной конференции союзники поднимали многочисленные тосты за здоровье участников, успешные боевые действия против гитлеровских войск и т.п. Премьер-министр Черчилль в восторженных выражениях предложил выпить за новую встречу союзников для обсуждения вопросов, по которым не смогли договориться в Ялте.

Товарищ Сталин поддержал тост с небольшим дополнением:

– Я хотел бы присоединиться к этому прекрасному тосту. Выпьем за встречу. Скорую встречу. В Берлине.

Добавьте Кенигсберг и мы в расчёте

Главная мирная конференция XX века. Потсдам, победное лето 1945 года. Когда дошло до дележа трофеев и территорий у наших союзничков случилась форменная истерика. Все старые обещания забыты. Внезапно умирает Рузвельт, проваливает выборы при бешеной популярности министра победы Черчилль. Американцы начинают откровенный ядерный шантаж свежеиспытанной бомбой. Тончайшая дипломатическая игра Сталина в этих условиях вызывает восхищение.

В ходе переговоров в Потсдаме американцы и англичане изо всех сил сообщали, что войну выиграл не Советский Союз, а именно они. В ответ товарищ Сталин довольно едко поинтересовался почему тогда вся Европа с цветами и песнями встречает Советские войска, а не американских рейнджеров и британских денди.

Черчилль возмутился и рассказал, что только что вернулся из разоруженной фашистской Италии. По его словам, горячие итальянские парни радостно приветствовали британского премьера. Британия – подлинная освободительница Европы. Советам придется довольствоваться подчиненной ролью.

Ирония ситуации была в том, что под так рьяно выступавшим на конференции премьером самым шаталось кресло. Со дня на день он должен был в самый разгар конференции убыть в Лондон на перевыборы. По всем раскладкам выходило, что его партия не в самом лучшем положении и шансы Черчилля снова возглавить кабинет совсем невелики.

Сталин одной фразой подчеркнул и шаткое положение разбушевавшегося премьера и цену итальянским восторгам:

– Не следует забывать, господин Черчилль, что пару лет назад те же самые итальянцы столь же горячо махали руками Муссолини. А затем повесили его на какой-то заправке. За шею.

Действительно, Черчилль проиграл эти выборы и заканчивать переговоры в Потсдам приехал уже другой британский премьер.

После тяжелых переговорных раундов по вечерам в Потсдамских дворцах проходили банкеты. Иногда на них шли даже более горячие обсуждения, чем под прицелом десятков кино- и фото- камер днем. Иногда лидеры просто отдыхали в непринужденной обстановке, пытаясь смягчить накопившиеся за день разногласия и обиды.

На одном из приемов в Цицилиенхофе товарищ Сталин радушно угощал членов американской и британской делегаций. Дошла очередь до американского президента Трумэна. Сталин протянул руку к столику с винами и коньяками и спросил:

– Чем Вас угостить, господин президент?

– Ничего не нужно, спасибо, – отмахнулся Трумэн.

– Что такое?

– Видите ли, у меня сейчас на алкоголь сильно реагирует язва.

– В желудке?

– Увы, нет, господин Сталин. В семье, – ответил с грустной улыбкой президент.

Особенно тяжелые переговоры шли по разграничению земель, которые в ходе войны попали в зону Советского влияния. Союзники были готовы на все, лишь бы Советам не досталось ни пяди "лишней территории".

Особенно американцев злило то, что стали Советскими Западная Украина и Белоруссия. По их мнению следовало немедленно вернуть ряд областей из состава Советских республик обратно Польше. Война на переговорах разгорелась буквально за каждую деревню.

Во время обсуждения очередного пакетного предложения, какие территории Польше, какие Союзу, что Польша заберет у Германии, как пройдут границы Чехословакии и т.п. Сталин резко бросил:

– Согласны на такое определение границ. Добавьте Кенигсберг и мы в расчете!

Союзники рассмеялись удачной шутке. В самом деле, какие претензии могли быть у Советского Союза к Кенигсбергу. В отличие от обсуждаемых польских областей, он никогда не входил в Российскую Империю. Да что там, эта область Восточной Пруссии даже не имела общей границы с Советами! Трумэн позволил себе ответное шуточное замечание:

– У нас в Америке, если не хватает мелочи, на сдачу могут дать маленькую сигару или коробок спичек. Но ведь город – не сигара!

Но союзники смеялись напрасно. Сталин не шутил. Он вполне серьезно обвел союзников взглядом и сказал:

– Прекрасный обычай, господа, вот и заверните, будьте так добры!

Конечно, дело не только в этой удачной остроте Сталина, но Кенигсберг стал все-таки Советским Калининградом. Такая вот "маленькая сигара" на сдачу большевикам.

Именно во время Потсдамской конференции проходят успешные испытания атомной бомбы в США. И ровно через неделю после конференции атомные бомбы показательно падают на вполне мирные Хиросиму и Нагасаки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.